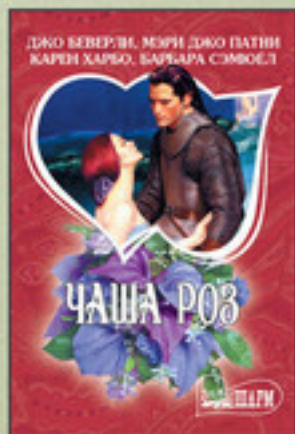

Джо Беверли

Ворон и роза

*Часть сборника
Чаша роз (сборник)*

Джо Беверли
Ворон и роза

«АСТ»

2010

Беверли Д.

Ворон и роза / Д. Беверли — «АСТ», 2010

Средневековая аристократка, чтобы завладеть этой тайной, должна найти себе супруга по сердцу – рыцаря без страха и упрека...

© Беверли Д., 2010

© АСТ, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Джо Беверли

Ворон и роза

Глава 1

Англия, 1153 год

Глэдис из Роузуэлла снова грешила.

Она грезила о своем рыцаре, знала, что надо заставить себя проснуться, но не делала этого. К несчастью для своей бессмертной души, она не хотела упустить ни единого мгновения этого драгоценного видения, и ее сердце от греховного волнения уже пустилось вскачь.

Как всегда, рыцарь в кольчуге и шлеме сражался. Он размахивал мечом и держал в левой руке большой щит. Иногда она видела его пешим, но чаще он был на огромном боевом скакуне в гуще битвы.

Это не удивляло Глэдис. Раздоры и стычки, порой переходящие в настоящую войну, царили в Англии все восемнадцать лет ее жизни. Но ее жизнь прошла в монастыре Роузуэлл. Как она могла вообразить эти сцены? Днем она горячо молилась о мире, как же она могла ночью так живо видеть войну?

Лязг оружия звенел в ее ушах, она слышала ржание лошадей, звуки ударов. Скрипела кожа, гремел металл, запах мужских тел и лошадей бил в нос. Копыта вздымали клубы пыли, лошади дышали, как кузнечные мехи. Всадники выдыхали в морозный воздух с криками боли или триумфа облачка пара. Теперь лето, и воздух был полон пыли и ярости.

Комок земли пролетел совсем рядом с ее лицом. И Глэдис сообразила, что оказалась к битве куда ближе, чем раньше.

Слишком близко!

Она пыталась заслонить лицо руками, попятиться от опасности. Но этого не произошло. Это никогда не случалось. В грезах она была не в силах двинуться, словно парализованная.

Массивный лошадиный круп качнулся в ее сторону. Глэдис вздрогнула от хлещущего хвоста и подкованных копыт, удар которых мог убить. Она слышала крики. Она бы тоже закричала, но не могла издать ни звука, как, впрочем, не могла и двинуться.

Сейчас ей хотелось убежать.

«Проснись! Проснись!»

Но она застыла на месте, не отрывая глаз от одного воина, и могла лишь молиться.

«Господи, помилуй... Иисусе Христе, смилуйся...»

Это сон. Сон. В снах никого не убивают.

«Святая Мария, моли Бога за меня... Архангел Михаил, моли Бога за меня...»

Но потом она подумала, что, возможно, это наказание. Наказание за ее греховную привязанность к своему рыцарю, за тайное желание бежать, узнать мир за пределами Роузуэлла.

«Святой Гавриил, моли Бога за меня... Святой...»

Тяжелый глухой удар прервал ее мысленные мольбы.

Мужчина заревел от боли.

Его сбросили с лошади? Это предсмертный крик?

Но во всяком случае, это не ее рыцарь. Не он! Он по-прежнему сражался, но теперь против огромного рычащего мужчины.

«Ангелы и архангелы, молитесь Бога за него! Святой Иосиф, моли Бога за него...»

Теперь он был ближе к ней. Несмотря на опасность, испуганное дыхание Глэдис сменилось взволнованными вздохами. Она наконец увидит его лицо?

«Ближе, ближе, подойди ближе...»

Это желание было греховнее всего, но она уступила ему, бормоча нечестивые мольбы.

Но даже когда рыцарь оказался почти рядом, она мало что могла сказать о нем. Из-под шлема на лоб спускался капюшон, подбородок был закрыт, металлическая пластина защищала нос. Глэдис могла разглядеть лишь впалые щеки и оскал. Она вообразила приятное лицо? Он повернул лошадь и оказался к ней спиной, Глэдис мельком увидела разинутый рот его противника, дыру вместо одного зуба. Здоровяк нанес тяжелый удар в ее рыцаря. Тот покачнулся.

Глэдис закричала, попыталась подбежать к нему, но по-прежнему не могла двинуться с места. Ее рыцарь сражался, обратив щит в оружие, бил им противника по руке с мечом, наносил удары сапогом. Его лошадь помогала ему копытами и зубами, от грохота Глэдис хотелось заткнуть уши.

Как тот удар по руке не покалечил его?

Как он мог сражаться так яростно?

Она сообразила, что закрыла глаза, и усилием воли заставила себя открыть их, страшась того, что увидит. Противник ее рыцаря оказался на земле, но быстро поднялся на ноги и отцепил от седла огромный топор. Топор! Ее рыцарь спешил и со смехом смотрел ему в лицо.

Со смехом?

Да, он смеялся!

Он сумасшедший?

Сумасшедший он или нет, но он красив, даже закованный в металл. Такой высокий, широкоплечий, и двигается так легко, словно на нем нет доспехов. Ноги у него длинные, стройные, он ловко отскочил, увернувшись от очередной атаки. Должно быть, думать о мужских ногах – смертельный грех, но она заплатит за это в аду.

«Будь святым Михаилом, – молилась Глэдис. – Или святым Георгием».

Восхищаться архангелом, который поразил Люцифера, или Георгием Победоносцем не такой страшный грех. Возможно, это благочестивое видение, символизирующее разгром язычников крестоносцами в Святой земле.

Но в душе она все понимала. И теперь, глядя на своего рыцаря, все еще улыбающегося, охваченного восторгом неистовства, она снова утвердилась в своих мыслях. Это видение наслаено сатаной, это кружение людей и лошадей – видение ада...

Глэдис заморгала, сообразив, что поле зрения расширилось. Теперь она видела не только сражающихся, но и людей за ними. Люди в обычных одеждах. Некоторые кричали, но не от страха, а от возбуждения.

Зрители!

Это не битва. Должно быть, это то, что называют турниром. Там рыцари играют в войну. Одному Богу известно зачем. Публика, в том числе и женщины, наблюдала за поединками с большим интересом. Глэдис заметила роскошные платья и накидки. Легкие вуали трепетали на ветру, солнце играло на драгоценных украшениях. Позади зрителей на поросшем травой холме высился каменный замок, красочные вымпелы развевались в голубом небе. У замка тоже собрались зрители.

Почему ее заставляют переживать это отсюда, снизу?

Еще один мужчина слетел с лошади, и она вспомнила о своем рыцаре. Он в безопасности? Да! Он удерживал свою позицию, хотя крупный соперник теснил его, оба тяжело дышали, покачиваясь, словно вот-вот грудой металла рухнут вместе на землю.

Глэдис теперь уже по собственной воле сосредоточила на нем взгляд и молилась о его невредимости. Словно по велению свыше он посмотрел мимо своего противника прямо на нее. Его губы приоткрылись от изумления.

Он видел ее?!

Глэдис пыталась потянуться к нему, заговорить с ним, но по-прежнему была нема и недвижна. Она увидела, как взлетел боевой топор, и попыталась предупредить криком.

Вероятно, он понял, поскольку повернулся и присел. Топор задел шлем, а ее рыцарь покачнулся и опустился на одно колено.

Глэдис снова закричала. Зная, что ее не услышат в мире грез.

Он уже поднялся, его внимание сосредоточилось на противнике. Тот отступал. Ее рыцарь моложе, сильнее, просто великолепен. Он победит! Но его взгляд снова метнулся к ней...

«Нет! – пыталась крикнуть она. – Не отвлекайтесь!»

Здоровяк мог его убить, но усталость победила – он рухнул на колени и, выронив топор, хватал ртом воздух. Ее рыцарь тоже хрипло дышал, упершись руками в колени. Но потом он выпрямился и повернулся, выискивая ее взглядом. Улыбка осветила его лицо, и он шагнул к ней.

Глэдис с искренней радостью улыбнулась в ответ.

Наконец она познакомится с ним.

Наконец!

* * *

– Нет! – вскрикнула Глэдис. Она вернулась в монастырь Роузуэлл и снова была в темной спальне.

Нет, не вернулась.

Она где-то в другом месте.

Это новая греза, хотя и поразительно реальная.

Глэдис заморгала в темноте и прикусила костяшки пальцев, чтобы подавить рыдание. Ее вырвали из сна в такой миг! Ее рыцарь увидел ее. Он шел к ней. Они могли – о небо! о ад! – коснуться друг друга.

Она сжала ночной чепец. Это греза, как и все остальное! Ее рыцарь нереальный. И противник его нереальный, как и зрители, и замок. И все-таки она всегда горевала, когда возвращалась из этой нереальной земли.

Горевала. Это верное слово. Горевала, когда ее вырвали из грез, потом горько страдала, когда драгоценные детали таяли в ее уме, как снежинки на ладони.

Ее рыцарь.

Сражался, как всегда...

Нет, не как всегда.

Люди смотрели. Даже женщины. Турнир.

Замок...

Но когда она пыталась запечатлеть эти подробности в своем уме, они ускользали, ускользали...

И ушли.

Ее память была пуста, Глэдис лишь знала, что снова грезила о своем рыцаре. Ей осталась лишь одна драгоценная картина: ее рыцарь смотрит на нее, идет к ней. Она так цеплялась за это воспоминание, что оно намертво врезалось в память, хотя в нем была греховность, от которой ее сердце колотилось, а рот пересыхал.

А у других инокинь бывают греховные видения? Ни одна не признавалась в подобном на еженедельной общей исповеди, но Глэдис это не удивляло.

Наказание было бы ужасным.

Была и другая причина молчать.

Признание могло прекратить видения.

Несмотря на осознание греха, несмотря на виденные ужасы, Глэдис нужны были эти грезы, как нужны человеку еда и питье.

Она закрыла глаза руками, смаргивая жгучие слезы. Это должны были быть слезы раскаяния, но это были слезы горя. Безгрешное сердце ее было безмятежным, но как только начались видения, Глэдис потеряла покой. Единственный дом, который она знала, рутина загруженных делами дней уже не приносили счастья.

Теперь она лелеяла обрывки видений и собирала любые подробности о мире за пределами монастыря. Она страстно желала узнать этот широкий мир и часто проводила время, взирая на единственный его кусочек, видимый из Роузуэлла, – вершину большого холма, находившегося в нескольких лигах от монастыря.

Гластонбери-Тор.

Конический холм поднимался из плоской болотистой земли и словно короной был увенчан маленьким монастырем Святого Михаила. Это было древнее место паломничества, но ниже, у подножия находилось еще более святое место – великолепное аббатство, знаменитое на всю Англию тем, что связано с Иисусом Христом и со Святой чашей с Тайной вечери. Легенда гласила, что Иосиф Аримафейский, отдавший приготовленную для себя гробницу для погребения тела Христова, привез эту чашу сюда.

Другая легенда была еще более поразительна. Она утверждала, что Иосиф приходился Иисусу из Назарета дядей и однажды привез юного племянника в Англию. Они прибыли в Гластонбери, и там Иисус, сын плотника, помогал строить церковь. Несомненно одно – в аббатстве стояла маленькая древняя церковь, и говорили, что это место чудес.

Такое святое место, ее так сильно тянет туда, но она никогда его не увидит, никогда не помолится в той церкви. Глэдис всю жизнь проведет в Роузуэлле и никогда не выйдет за его пределы. Она еще не приняла постриг, в Роузуэлле это делали в двадцать пять, но она это сделает. Потому что обеты нестяжания, целомудрия и послушания, которые она дала в пятнадцать лет, можно снять только с позволения семьи и аббата из Гластонбери.

Случалось, что у семьи появлялась неожиданная необходимость в незамужней дочери, но Глэдис такого избавления ждать нечего. Ее отдали в монастырь, как только отняли от груди, чтобы она, следуя семейной традиции, могла молиться за родных и их дела. Ничто не изменится.

И зачем думать об избавлении? Роузуэлл – ее единственный дом, тихое, безмятежное место, полное красоты и честной работы.

Она больше не позволит себе лихорадочного волнения, тоски по внешнему миру и, главное, смутных грез о мужчине. Глэдис заставила себя сосредоточиться на радостях простой жизни, молча повторяя знакомые молитвы. Постепенно они помогли ей уснуть.

Крик петуха разбудил ее с первыми лучами солнца. Приветствуя рассвет, грянул птичий хор. Через несколько мгновений зазвонил колокол, призывая на утреннюю молитву. Мысли Глэдис скользнули было к грезам, но она твердо направила их на благодарность за новый день.

Сестры в спальне быстро одевались. Глэдис надела поверх сорочки, в которой спала, платье из некрашеной шерсти, затянула пояс, завязала сандалии. Сняв ночной чепец, она провела гребнем по коротким волосам, потом накинула на голову платок. Подтянула его вниз, чтобы край оказался вровень с бровями, перекрестила длинные концы на горле, закинула на спину, перекрестила там, потом снова перекинула их вперед.

Сестры оглядели друг друга, проверяя, все ли в порядке. Потом выстроились в маленькую процессию и отправились на утреннюю молитву. Перед лицом восходящего солнца они пели Господу хвалу за новый день. Зимой это становилось тяжелым испытанием, но летом это было для Глэдис любимым занятием.

После молитвы маленькая община занималась уборкой, потом сестры завтракали и расходились по своим делам.

Роузуэлл вот уже четыре столетия предоставлял женщинам убежище, совершенно отделенное от остального мира, поэтому они сами производили для себя почти все необходимое. Сами выращивали себе еду, готовили питье, даже ремонтировали жилища.

Роузуэлл был специально построен так, чтобы оградить монахинь и послушниц от мира мужчин. Если нужно было что-то извне, то это приносили в монастырь женщины. Священники, прибывавшие сюда из Гластонбери, всегда были пожилыми.

Тогда как она могла грезить о мужчинах? О войнах? Как?! Глэдис сообразила, что, задумавшись, остановилась и смотрит на вершину высокого холма, словно он мог дать ей ответ.

Нет! Она повернулась и поспешила к пивоварне.

Роузуэлл походил на деревню, окруженную частоколом. Ограда не была защитой, она немного выше самой высокой сестры в монастыре, но оберегала сад и огород от животных. Некоторые сестры выходили сейчас в открытые ворота, отправляясь на работу в поля, сады, к рыбным прудам.

Настоящей границей Роузуэлла была лесная чащоба, окружавшая его земли. Это был предел, за который не переступала ни одна из сестер. Деревья заслоняли от взгляда внешний мир, за исключением вершины Гластонбери-Тор.

Отмахнувшись от этих мыслей, Глэдис поспешила к открытой двери пивоварни. Ей нравилась эта работа. Господь превратил воду в вино, и это настоящее чудо, но и обычный процесс был для Глэдис не менее чудесным. Кислое ячменное сусло становилось прозрачным напитком, который питал тело и просветлял ум.

Войдя, она поприветствовала свою начальницу, сестру Элизабет, энергичную худую женщину с большим носом. Она годилась Глэдис в матери, была жизнерадостной и доброй.

– Есть какие-нибудь особые дела сегодня? – спросила Глэдис, надевая большой фартук.

– Ничего особенного, милая. Затворяй новый эль, пока я заканчиваю закваску. – Она окунула в чан очередную веточку, осторожно вытащила ее обратно, теперь покрытую сероватым налетом, и повесила сушиться. Закваска сохранит свою силу до тех пор, пока не понадобится. Когда ячменное сусло будет готово, веточку погрузят в него, и закваска снова оживет.

Очередное чудо.

Сестра Элизабет принялась разводить огонь под котлом, Глэдис подбросила дров, потом приладила специальную трубу к отверстию в крыше, чтобы выходил дым.

– Сегодня переменчивый ветер, – сказала она.

– Переменчивые времена, – ответила сестра Элизабет. – Новое сражение на востоке. Король Стефан осадил Ипсвич, в ответ герцог Генрих атаковал Стэмфорд.

Какая удача, что устав Роузуэлла не требовал молчания! Сестра Элизабет любила слушать новости от женщин, приносивших в монастырь необходимые товары. У нее были причины для особого интереса. Она пришла в монастырь в двенадцать лет и сохранила ясные воспоминания о своей семье, которую непосредственно затрагивало нынешнее противостояние.

Глэдис попала в монастырь младенцем и не имела никаких воспоминаний о доме. Сейчас, однако, она интересовалась военными новостями не меньше сестры Элизабет. Из-за своего рыцаря. Ей ненавистно было слышать о сражениях. Она хотела, чтобы он был невредим.

– Новости доходят медленно, – сказала она. – Возможно, сражение уже закончилось.

– Закончилось здесь, так начнется где-нибудь еще.

Глэдис выкатила большую бочку.

– Герцог Генрих мог отправиться домой. У него много земель – Анжу, Нормандия, а теперь, после женитьбы на Элеоноре Аквитанской, он получил и ее земли.

Сестра Элизабет фыркнула:

– Таким, как он, всегда мало. – Она печально улыбнулась Глэдис: – Ты так горячо жаждешь мира, милая, и всегда его хотела, но сомневаюсь, что Англия скоро его увидит. Восем-

надцать лет стычек посеяли столько вражды, что настоящие проблемы больше не имеют значения.

Глэдис схватила жесткую щетку и ведро с водой. Ах, если бы весь мир было так же легко очистить от грязи, как этот сосуд!

Восемнадцать лет назад, когда Глэдис была в колыбели, король Генрих умер, оставив корону своему единственному законному ребенку – дочери Матильде. Она была женой графа Анжуйского. Несмотря на клятву поддержать ее, многим английским баронам не нравилось, что ими будет править женщина, особенно вышедшая за чужеземца, и они призвали на царство Стефана Блуаского, племянника покойного короля. Жестокая война сейчас стихла и сменилась стычками и междоусобицей, но король Стефан слаб. Многие бароны правили своими землями как принцы, и единственным законом был закованный в железную перчатку кулак.

Теперь сын графини Матильды достиг совершеннолетия и может предъявить претензии на трон, мать передала ему право наследования. В ноябре Генрих, граф Анжуйский и Аквитанский, высадился в Англии и возглавил своих сторонников. С тех пор Англия страдала от стычек, осад, сражений и разрушений. Хрупкий мир рухнул, перемирие объявлялось и нарушалось. Заполонившие страну наемники грабили народ, когда им не платили. Горели города, гибли люди, обычные, ни в чем не повинные люди.

Возможно, это и неудивительно, что ей пригрезилась битва.

– Кто принес последние новости? – спросила Глэдис, ополаскивая бочку.

– Марджори Купер. Она вчера принесла новый бочонок. Ты тогда ушла срезать ветки.

Жена медника была надежным источником информации. Глэдис скребла и споласкивала бочку.

– Король и герцог зимой заключили мир. Почему они его не соблюдают?

– Потому что ни того ни другого мир не устраивает, как ты понимаешь.

– Да, – призналась Глэдис.

Это соглашение было вынужденным для обеих сторон. Генрих Анжуйский получит трон после смерти короля, но до этого могут пройти годы, Стефану только пятьдесят семь. Покойный король Генрих прожил на десять лет больше. Король Стефан унаследовал его трон, но лишил права наследования собственного сына.

– Если король и хочет соблюдать соглашение, его сын принц Эсташ – никогда.

– Эсташ Булонский. – Глэдис почти выплюнула это имя. Ужасный человек, в двадцать три года он погряз в пороках.

– Да, Марджори говорит, что многие бароны, которые поддерживают короля Стефана, переходят на сторону герцога Генриха только из-за Эсташа. Они не хотят видеть этого юнца на троне.

Глэдис резко подняла взгляд:

– Возможно, это дает надежду на мир. И герцог Генрих, похоже, благочестивый человек. Помните, когда его войска грабили в окрестностях Оксфорда? Он приказал, чтобы все добро вернули.

– Благочестивый или умный, – сухо сказала сестра Элизабет, – но все равно лучше, чем Эсташ. Вода кипит.

Глэдис поставила тяжелую бочку у котла, потом пошла за продуктами для солода.

Война, активная или тлеющая, всю ее жизнь раздирала Англию, погружая в хаос, и Глэдис трудно было поверить в возможность мира или даже вообразить, какой может быть мирная жизнь. Она жила, защищенная от ужасов войны, но слышала о них: уничтожались деревни, горели города, войска разрушали и грабили. Сильные притесняли слабых, и не было действенного закона, чтобы остановить злодеяния, бесконечные распри и вражду.

Мир казался таким же фантастическим, как Святая чаша, которую Иосиф Аримафейский спрятал в Гластонбери и которую невозможно найти. Глэдис слышала рассказы о том,

как по ночам люди прокрадывались к холму в поисках Святой чаши и чудесного дара, приносимого, как говорят, ею.

Глава 2

– Что с тобой случилось? – ворчал Раннульф, вместе с оруженосцем Элейном помогая Майклу де Лаури снять помятые доспехи. Майкл вздрогнул, когда задела ушибленную руку. У него еще и голова болела от последнего удара.

– Отвлекся.

– В бою тебя бы убили. – Раннульф, крепкий кривоногий мужчина пятидесяти шести лет, служил дружинником Майкла, но был одним из его наставников, и Майкл никогда не забывал это.

– Знаю-знаю. Я знаю... – Майкл удержался от упоминания о том, что видел. Уже то скверно, что он позволил мыслям блуждать во время схватки. А уж если он упомянет о виде-нии!.. – Это мой первый турнир. – Он потянулся всем телом, освободившись от груза кольчуги и длинной, подбитой волосом одежды, которую надевали под доспехи, отмечая боль, которой не было при надевании. – Я не привык, что вокруг женщины.

– Кстати о женщинах... – начал Элейн. – Надо об этом подумать. Ты славно отделал Уилли Си. Не многие его одолеют, придется ему заплатить кругленькую сумму.

Майкл был доволен собой. Сэр Уильям Сихэм был на десять лет старше, он опытный боец, и великан к тому же. Но в конце схватки его возраст обернулся против него.

– Так кстати о женщинах, – не унимался Элейн, подпрыгивая от волнения, – они будут охотиться за тобой после такой победы.

Элейну было пятнадцать. Его, приземистого, курносого, с грубоватым лицом, только собственная мать назвала бы красивым, но по части женщин он был куда опытнее двадцатидвух-летнего красавца Майкла.

Но от слов Элейна в ушах Майкла странным эхом воскресло предостережение матери.

– Прекрати болтать, – заворчал на Элейна Раннульф. – Ложись, – велел он Майклу.

Майкл подчинился, Раннульф налил на ладони масло и начал массировать тело Майкла твердыми сильными пальцами. Было больно и в то же время приятно. Некоторые рыцари держали для такой работы женщин. Он не осмеливался.

А все из-за матери. Она позволила ему оставить монастырь, взяв с него две клятвы – что до двадцати пяти лет он не покинет Англию и что останется целомудренным до женитьбы. В двенадцать лет первое волновало его куда больше, чем второе, потому что он мечтал отправиться в крестовый поход, но теперь, в двадцать два, вторая клятва терзала его, как волк добычу.

Мать подсластила горькие клятвы разговорами о благородной цели здесь, в Англии, и о прекрасной невесте, которую он полюбит, как только встретит. Встретит предназначенную, предначертанную ему невесту, для которой оставался непорочным. Ту, с кем он в конце концов – слава Богу! – перестанет быть целомудренным.

Но очень уж она не торопится.

Пока он порой замечал поблизости от схватки девушку, одетую в зеленое платье, с трепещущей на ветру белой вуалью. Он говорил себе, что этого не может быть. Что это иллюзия. Что ни одна благородная дама не может оказаться в таком месте.

Но сегодня он увидел ее всего в нескольких ярдах, прямо в центре турнира.

Что доказывало ее невозможность. Целомудрие сводило его с ума.

Признаков своей великой цели Майкл тоже не видел. Только тяжелая жизнь и скука военных лагерей, война, в которой никто не мог сказать, кто прав. Он следовал по стопам своего отца. Вот и все.

Хвала небесам за этот скоропалительный турнир. Это главное развлечение за долгое время, их было бы больше, если бы не те клятвы.

На смертном одре мать отяготила его еще кое-чем. Не клятвой, только советом, но она была очень настойчива: «Ты искусный воин, Майкл, но скрывай это. Я сделала все, что могла, но твоё мастерство может выдать, кто ты. Это может...»

Она тогда умолкла. Возможно, чтобы перевести дух, может быть, по другим причинам. Он дал ей выпить подслащенного, разбавленного водой вина и просил договорить.

«Такое мастерство привлечет внимание искусительниц и сделает твои клятвы трудными, – сказала мать и со вздохом добавила: – Хватит того, что твоя внешность это делает». Она взяла его руку, ее пальцы были хрупкими и горячими от лихорадки. «Не хотела я, чтобы это обрушилось на тебя, мой мальчик, но мы живем в ужасные времена, и, приближаясь к небесам, я начинаю надеяться, что ты станешь спасением для всех нас».

Майкл не знал, как это понять, но его сердце сжалось от искренности ее слов. Она умирала, скоро ее не станет. И когда она попросила его повторить клятвы, конечно, он подчинился. Теперь он держал их, сцепив зубы, решительно и с большим трудом. Его целомудренное поведение не оставалось незамеченным в военных лагерях, хотя никто до конца в это не верил. Его считали разборчивым и думали, что у него есть тайная любовница, но порой соратники развлекались тем, что подсовывали ему соблазнительных девок.

Черт бы их побрал, и черт бы побрал...

Нет, он даже в мыслях не мог проклинать свою мать, но она завещала ему тяжелый путь и оставила мучительную загадку: «Я сделала все, что могла». Его отец ничего не знал о клятвах и их цели, но однажды Майкл спросил, не происходило ли чего-нибудь особенного в его юные годы.

«Помимо навязчивой идеи твоей матери отправить тебя в монастырь? – спросил Уильям де Лаури. – Это семейная традиция. Чепуха, еще в колыбели было ясно, что ты создан для битвы».

Но потом он нахмурился и задумался: «Монастырь был уделом твоего брата-близнеца». Майкл знал, что у него был близнец, но второй ребенок умер при рождении.

«Что в этом особенного?»

«Тот родился первым, но умер. – Отец пожал плечами. – Правда, через несколько лет повитуха сказала, что первым был ты. Думаю, близнецов легко перепутать, но все это не имеет значения. Поскольку есть старшие братья, ни один из вас не стал бы моим наследником».

Майкл тоже не мог понять значения этих подробностей, но часто вспоминал реакцию матери на отъезд в монастырь в Сент-Эдмундсбери, когда ему было двенадцать...

– Повернись, – сказал Раннульф.

Майкл перекатился на спину.

В двенадцать лет он ожидал причитаний и упреков, но, казалось, мать тогда плакала из-за того, что он несчастлив дома. «Я правда верю, что это к лучшему», – сказала она, провожая. Он ухитрился не бранить ее за то, что она отправила его в монастырь, и отнес ее непонятную речь к эмоциям. Женщины позволяют эмоциям захлестывать их разум. Все это знают.

От умелых рук Раннульфа его ум очистился, но открылась дверь памяти. Памяти о том, что произошло несколько часов назад.

Волнистые каштановые волосы под тонкой вуалью, милое округлое лицо, полные нежные губы, голубые глаза, с заботой устремленные на него. Ее волосы странно короткие, но это не важно. Волосы отрастут. Позор, что ее зеленое платье не подчеркивает линии ее фигуры, как это сейчас модно, но он до сих пор видел, как чудесны эти изгибы. Отделка на подоле и рукавах говорила о богатстве. Но его не заботило, богата она или бедна.

Отец поколотил бы его за такие слова. Брак существует ради земель и могущества.

Но что эта девушка делала на поле битвы? Он не понимал этого ни тогда, ни теперь, но она была там, с риском для жизни. Потом в мгновение ока она исчезла. Он бросился искать,

думая, что ее могли сбить на землю, но ее и следа не было, а был Уилли Си, с которым надо разобраться, получить выкуп, даже если мысли путаются.

Любить иллюзию не имеет смысла, но Майкл не знал, как еще назвать наваждение, не отпускаящее его уже несколько месяцев. Увидев девушку так близко, он больше ни о чем не мог думать. Он был почти опьянен этим, и ему нужно увидеть ее снова, как человеку в пустыне нужна вода.

Он мечтал упасть перед ней на колени, взять ее маленькую руку, положить свои победы, мастерство и доблесть, все, чем обладал, к ее ногам, как трубадуры – песню любви. Судя по их историям, жизнь без любви не имеет вкуса. Он должен найти ее.

И не хочет, чтобы от него пахло смрадом битвы.

Он поднялся с койки, накинул плащ на голое тело.

– Пойдем со мной, – сказал он Элейну и отправился в общую купальню. Оруженосец поспешил за ним со стопкой чистой одежды.

Раннульф нашел жилье в деревне, и это оказалось мудрым выбором, поскольку недавние дожди затопили лагерь. Майкл шел мимо домов и лавок, за месяц постоя люди уже привыкли к виду воинов, направлявшихся в купальню. Он привлекал мало внимания, если не считать обычных дерзких комментариев женщин. Сейчас здесь были только дети, матроны и старухи отправились в деревню Аллакорт. Всех молодых женщин из благородных фамилий ради безопасности отправили подальше от воинов. Армия путешествовала с собственными шлюхами.

В лагере его приветствовали криками за разгром Уилли Си. Все это звучало добродушно, но Майкл знал, что стал мишенью. Завтра кто-нибудь захочет одолеть его ради отблеска славы. Он собирался побеждать или платить выкуп, пока его кошелек не опустеет.

Все это казалось несущественным.

Только его невеста. Его возлюбленная.

– Сэр? – поторопил его Элейн, и Майкл сообразил, что как болван стоит посреди улицы. Он двинулся, но не мог удержаться и искал глазами девушку. Это безумие.

Но когда он найдет ее, он женится на ней, даже если придется преодолеть сопротивление ее семьи. Он всего лишь младший сын, без земли и состояния, но...

– Слева! Герцог! – подтолкнул его Элейн.

Майкл мгновенно отпрянул и, повернувшись, увидел Генриха Анжуйского. Предполагалось, что герцог в Ноттингеме, осаждает замок в десяти лье отсюда, а не здесь, с войсками, поставленными охранять дорогу с юга. Отсутствие действий рядом с Аллакортным вело к скуке и неофициальным турнирам, Майкл задавался вопросом, приехал ли герцог положить этому конец. Он был известен крутым нравом и тем, что считал турниры пустой тратой времени.

Однако герцог, похоже, в хорошем настроении, шутит со свитой из баронов и рыцарей. Возможно, осада ему наскучила. Он славился кипучей энергией, это вполне в его духе – примчаться сюда, чтобы увидеть все собственными глазами.

Генрих Анжуйский был на два года моложе Майкла и на голову ниже. У него рыжеватые волосы, во внешности ничего особенного, но от вибрирующей энергии и переполнявшей его силы дух захватывало. Если энергия и сила могут завоевать корону, то Генрих Анжуйский получит Англию, и скоро.

Майкл, опомнившись, поклонился.

– Майкл де Лаури, – сказал герцог Генрих сильным голосом. – У твоего отца замок Морборн в Херефордшире.

– Да, милорд. – Майкла потрясла способность этого человека помнить такие детали. Он не знал, имеет ли Генрих Анжуйский право на трон, но поддержит его за его ум и военную доблесть.

– О тебе говорят в лагере, де Лаури. Я не одобряю турниры, но скучающие мужчины недисциплинированы, да и мастерство надо оттачивать. Мы с де Боэном завтра устроим

схватку. – Он пристально взглянул на одного из стоявших вокруг лордов, и Майкл задумался, нет ли тут чего-то большего, чем дружеское соперничество. – Я поставил деньги и намерен выиграть. Будешь в моей команде?

Майклу не оставалось ничего другого, как снова поклониться:

– Почту за честь, милорд.

– Хорошо. Мы должны выиграть. Позаботься об этом. – Герцог двинулся дальше, и Майкл – тоже, но это уж слишком для совета его матери скрывать свои способности.

– Какая честь! – взволнованно воскликнул Элейн. – Вы завтра им покажете. Они будут лежать в пыли.

– Даст Бог. – Майкл начал видеть в этом светлую сторону.

Он привлек внимание будущего короля Англии, но, сделав это, должен проявить все свое мастерство и добиться, чтобы команда герцога победила. Успех расстелет перед его ногами дорожку славы, и, возможно, семья невесты не будет так уж возражать против свадьбы. Однако все это шло вразрез с предостережением матери, Майкл всегда подозревал, что она видела иные проблемы, нежели навязчивое внимание смазливых шлюх.

Ну почему его жизнь такая сложная? Другие без колебаний ухватились за возможность славы и процветания. Счастливчик Генрих Анжуйский родился для великой судьбы, и с юных лет его готовили к этому. Его мать не запирала в монастыре. Графиня Матильда не требовала от него клятв, отпуская в мир. И не умерла, так и не досказав ему значения всего этого.

Майкл стер с лица хмурое выражение и вошел в палатку, воздух в которой был густым от шума, пара... и искушения. Женщины в легких влажных одеждах подносили кувшины с горячей водой, сухую одежду, масло для массажа.

Он сбросил накидку и забрался в лохань, поздравления с победой над Уилли Си вились вокруг него, словно пар. Покроет он себя славой завтра или нет?

У него может не оказаться шанса. Сэр Уильям Сихэм, обросший волосами, словно медведь, смотрел на него из другой лохани, молча грозя возмездием.

* * *

После простого обеда Глэдис вернулась в пивоварню с сестрой Элизабет. Лето было в разгаре, в садах жужжали пчелы, созревшие стручки готовы были вот-вот лопнуть. Воздух был полон ароматов. Лето так чудесно, что она задумывалась, зачем Господь создал зиму. Она слышала, что на юге есть земли, где зимы не бывает. И снова она дивилась милосердию Господа. Удивительно, что он не поразил ее насмерть за все ее грехи.

– Прекрати тарашиться на вершину, – сказала сестра Элизабет. – Ты никогда туда не попадешь, и ничего с этим не поделаешь.

Глэдис снова посмотрела вперед, наклонив голову.

– Я знаю, но это так близко. И мы относимся к тому аббатству. И аббатство, и холм – святые места. Люди совершают туда паломничество, так почему нам это запрещено?

– Потому что мы живем здесь праведной жизнью. Идем.

Глэдис пошла за сестрой Элизабет.

– А что, если это правда, что Христос однажды был в Гластонбери? Тогда Гластонбери такой же, как Святая земля, – сказала она.

– Это сказки. В Библии этого нет.

– Священники из Гластонбери иногда говорят об этом.

– Это хорошо для бизнеса, – цинично заметила сестра Элизабет.

Глэдис знала, что это правда. В нынешние трудные времена монастыри соперничали за пилигримов и их дары.

– Работай, Глэдис. Все эти ягоды нужно помять.

Глэдис подчинилась, опустив большой пестик в чан с ежевикой, но не думала, что святого Иосифа так легко отстранить. Она не помнила, было ли в Библии упоминание, что он торговал металлом, но если так, он мог приплыть в эту часть Англии. Если он так хорошо знал Иисуса из Назарета, чтобы отдать ему свою гробницу, то ведь он мог взять его с собой в путешествие?

Старая церковь определенно существовала – та, про которую говорили, что она построена самим Христом. Те из сестер, которые попали в Роузуэлл в возрасте достаточном, чтобы помнить, видели ее: маленькое, очень старое строение. Где случаются чудеса.

И знаменитое терновое дерево тоже существует.

Оно цветет каждые Святки, что уже само по себе чудо, и цветущую веточку приносят в Роузуэлл каждый сочельник. Говорят, в Англии нет другого такого дерева, значит, это чудо. И какое другое объяснение может быть, кроме того, что гласит легенда: оно выросло из посоха Иосифа Аримафейского, который воткнул его в землю, пока отдыхал?

Но ничто из этого не объясняло ее собственное восхищение вершиной. Когда Глэдис смотрела на Гластонбери-Тор, у нее сердце щемило от тоски, появлялось ощущение, что стоит только себе позволить, и она полетит туда. Эти ее чувства были так похожи на тоску по ее рыцарю, что Глэдис задумывалась, есть ли тут какая-нибудь связь. Но он сражался около замка.

Потом она заметила нечто странное: она видела его в грезах, когда спала, в темноте, но события в видениях всегда происходили днем. Больше того, в грезах она была одета по-другому. Глэдис толком не видела, что на ней надето, но знала, что это не монастырский наряд. Когда она попыталась углубиться в воспоминания, уточнить детали, то, как всегда, потерпела неудачу.

Какая досада! Но доказывают ли эти странности, что ее переживания лишь грезы?

Или они доказывают, что у нее святые видения?

– Работай, Глэдис, – резко окликнула сестра Элизабет.

– Простите, – ответила Глэдис и вернулась к своему занятию.

* * *

Майкл пытался сопротивляться безумию, но провел вечер, разыскивая свою невесту, хотя это означало пройти сквозь строй завистливых поздравлений, язвительных комментариев и на все готовых девиц. Возможно, он бросит это занятие и примет приглашение выпить с Робертом де Уэрингодом. Нужно перекусить, а Роберт, рыцарь из гарнизона замка, настроен дружелюбно. Замок – единственное место, которое Майкл еще не обыскал.

Майкл повернул разговор к живущим там дамам.

– Леди Элла и ее свита, – сказал Роберт. – И пара юных дочерей.

– А остальные?

– Она отослала юных прислужниц со старшими дочерьми, мудрая женщина. Ей проблем не нужно. – Он присмотрелся к Майклу. – Мы все знаем, что ты особенный, де Лаури, но развлекайся со шлюхами, выше не замахивайся. Это безопаснее для таких безземельных, как мы.

Он ушел, Майкл обдумывал его слова.

Безземельный. Такой он и есть, а такие не могут жениться. Но землю можно завоевать.

Майкл осушил кружку. Завтра он всех противников в пыль положит, а потом будет беззаветно сражаться, чтобы возвести на трон Генриха Анжуйского.

Он завоеует свою невесту.

Глава 3

В тот же день сестру Элизабет вызвали к настоятельнице и келарю проверить запасы. Глэдис велели вести учет. Делая зарубки, она радовалась, что работа требует сосредоточенности, ее ум перестал лихорадочно работать. Она отмечала запасы пробок, когда почувствовала кого-то позади себя. Она быстро обернулась, раздумывая, почему встревожилась. В Роузуэлле некого бояться.

Но это была незнакомка. Монахиня, но одетая в черное, а не в неотбеленную шерсть, как принято в Роузуэлле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.